

Разрезанный Дуань Чанчуанем кусочек воротника пах не так ярко, как тогда, когда они находились рядом с Бай Су, но запах уловить определенно удавалось.

Жань Цяо поначалу обмахивала его рукой и принюхивалась, а затем и вовсе поднесла ткань прямо к носу.

Она нюхала её то так, то этак, и в её взгляде росло всё большее недоумение.

В конце концов девушка покачала головой:

— Никакого цветочного аромата я действительно не чувствую... Я могу различить оставшийся на этом воротнике запах мыльного дерева, а ещё ткань пропитана лепестками роз, но обещанного Вашим Величеством аромата пиона я не учувствую совсем.

Юнь Се подался вперед и спросил:

— Может, он просто перепутал розу с пионом?

Девушка покачала головой:

— Вряд ли. К тому же этот аромат роз — самый ходовой во дворце, он есть даже на одежде самого Вашего Величества, перепутать невозможно.

В ту же секунду все трое погрузились в молчание.

Юнь Се взял лоскут ткани:

— И чем же она пахнет? Дайте-ка я понюхаю.

Однако, прежде чем он успел поднести её к носу, Дуань Чанчуань выхватил её обратно:

— Раз госпожа Жань не смогла учуять, ты-то тем более сможешь?

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем перед глазами вновь обрели чёткость.

Но сам Дуань Чанчуань чувствовал лишь то, что в голове у него стояла звенящая пустота, и он был не способен соображать вовсе.

Внезапно он вспомнил, что в прошлый раз на поле для стрельбы из лука его лицо покраснело вовсе не потому, что этот запах он почувствовал впервые; и на второй день после великой свадьбы, когда лекарь Фан осматривал его шею, внезапный аромат пионов тоже почудился ему не впервые...

На полуслове он резко замолк, и чашка с чаем в его руке с громким треском разбилась о пол.

Услышав это, Дуань Чанчуань нахмурился:

— На самом деле, не только...

Юнь Се тоже отбросил привычную небрежность и с серьезным видом спорил его:

— О чём ты подумал?

Всё это время сидевшая с опущенной головой и размышлявшая Жань Цяо вдруг подала голос:

— Быть может, попробуем разобрать это с точки зрения фармакологии... Ваше Величество считает, что этот аромат обладает возбуждающим действием?

По-настоящему в первый раз это произошло в тот момент, когда они впервые встретились перед тронным залом.

Именно тогда он впервые почувствовал исходящий от женщины запах пионов.

В тот самый миг перед его глазами на мгновение промелькнуло видение: кто-то обнимал его и шептал на ухо: «Дуань Чанчуань, почему ты такой послушный...»

С тревогой глядя на Юнь Се, он понизил голос и произнес:

— Юнь Се... Мне кажется, её запах способен... способен передавать некую информацию...

Запах способен передавать информацию...

Голос — точь-в-точь как у Бай Су.

Нефритовая печать соскользнула вниз, и Бай Су поймала её на лету.

Теперь Дуань Чанчуань переоделся в чистое, и троица снова собралась вместе.

Опираясь на воспоминания, он медленно заговорил:

— Впервые я почувствовал этот запах...

Просто сама эта история звучала слишком фантастически.

На лице Юнь Се читалось легкое изумление.

К чему было это видение?

Юнь Се: «...»

Но почему же...

Тут из-за пролитого чая в покои в спешке прибежала Чанлэ. Причитая: «Ваше Величество, что с вами, как же вы неосторожны», — она принялась вытирать его мокрые вещи.

Юнь Се и Жань Цяо переглянулись, после чего Юнь Се спросил:

— Говоришь, её благовония способны передавать информацию? Можешь рассказать подробнее? Эта информация постоянно меняется или всегда остается прежней? Что это за информация?

Юноша перевел взгляд на стоявшего рядом Юнь Се, затем на сидевшую напротив девушку...

Долго размышляя, он подбирал слова:

— Я ощущал исходящий от неё аромат не единожды, и в большинстве случаев у меня учащалось сердцебиение, а кровь слегка прилиwała к лицу... Но было два исключения.

— Вчера, когда я притворялся больным, её запах подействовал успокаивающе.

— А еще однажды, когда меня в уязвимое место на шее укусило насекомое, пришел лекарь Фан. Она тогда сильно встревожилась и стала допытываться, что он делает. Тот запах... словно возвел передо мной защитную стену.

Когда Дуань Чанчуань сбивчиво закончил говорить, брови Жань Цяо сошлись еще круче.

— Вы уверены, что все эти разы аромат был абсолютно одинаковым? Возбуждающий, успокаивающий — всё это свойства благовоний, но рецептура при этом должна различаться кардинально. Даже самый искусный парфюмер не сможет составить два совершенно одинаковых аромата с совершенно разными эффектами.

Дуань Чанчуань ответил:

— Запах абсолютно один и тот же, для меня они неразличимы.

Жань Цяо вздохнула:

— Это... Прошу Ваше Величество простить мне мои скудные познания... Я не могу этого постичь. Было бы еще куда ни шло, если бы я тоже могла его учуять, но... я действительно не чувствую ни малейшего запаха.

Обсуждение зашло в тупик.

Со стороны это всё больше походило на капризы и самодурство Дуань Чанчуаня.

Молчавший до этого Юнь Се вдруг протянул складной вейчик прямо между ними.

— А вы не думали... что всё это может быть самым банальным проявлением первой любви?

Дуань Чанчуань: «?!?!»

Жань Цяо вслед за ним: «...?!»

Юнь Се окинул юношу оценивающим взглядом с ног до головы и произнес:

— У каждого человека свой собственный запах... Ишь ты: в болезни он тебя успокаивает; когда не хочешь, чтобы кто-то прикасался — кажется, будто тебя оградили стеной; а в обычное время от него сердце бьется и лицо краснеет... Как ни посмотрю, а пахнет глубокой страстью, Ваше Величество.

Дуань Чанчуань: «...»

— Да вы вовсе не от чужого запаха сердцебиение испытываете, а просто глядя на самого этого человека, замираете от восторга.

Дуань Чанчуань: «...?!?»

#Ты врешь! С чего бы мне вспылать страстью к женщине, с которой мы и полмесяца под одной крышей не прожили?!#

#Я вовсе не такой бесхребетный император!#

Рядом раздался прыснувший смешок.

Обернувшись, он увидел прикрывшую рукой лицо и залившуюся смехом Жань Цяо, которая только что так серьезно занималась его анализом.

Дуань Чанчуань: «...»

□Эй, кто там! Выволоките этого мужика вон и отхлещите по щекам!□

Тяжело ступая, он вернулся в покои как раз к полудню.

В кабинете женщина, как и прежде, сидела за низким столиком у окна и тихонько выводила иероглифы.

Стол стоял в лучах самого яркого полуденного солнца. На женщине не было ни капли косметики, на ней была лишь простая легкая одежда, а вокруг словно струилось мягкое сияние.

У кушетки тихо тлел уголь, но он всё равно не мог заглушить то появлявшийся, то исчезающий аромат пионов.

— Вернулся?

Услышав шорох, женщина отложила кисть и повернула к нему голову.

Дуань Чанчуань тихонько хмыкнул и подошел ближе:

— Учишься грамоте?

На самом деле Бай Су уже давно вот так сидела за чтением и письмом, но раньше он не обращал на это особого внимания.

И только сегодня ему вдруг стало любопытно: как человек, который никогда не учился грамоте и у которого не было наставников, постигает письменность?

Подойдя ближе, он с удивлением обнаружил, что успехи Бай Су превзошли все его ожидания.

Иероглифы выводились кистью тщательно, по черте.

Горизонтальные и вертикальные линии выдавали новичка, но в целом её почерк выглядел гораздо аккуратнее, чем у большинства начинающих.

Более того, в некоторых местах она даже владела приемами сокрытия и обнажения кончика кисти.

— Разве ты не неграмотна?

Дуань Чанчуань с сомнением посмотрел на уже исписанную наполовину страницу Троесловия.

Однако на лице женщины не дрогнул ни один мускул — никакой вины пойманного с поличным человека. Напротив, она спокойно облокотилась на стол, подперла подбородок рукой и вопросительно уставилась на него:

— Что, сомневаешься во мне?

Дуань Чанчуань: «...»

С чего это вдруг она перешла в контратаку?

Он тут же парировал:

— Разве ты не заслуживаешь сомнений?

Уж в чём-чём, а в словесных баталиях он тоже кое-что понимал!

Бай Су не стала продолжать эту шутку, выпрямилась и прямо объяснила:

— Я слышала и Троесловие, и Тысячесловие, просто знаки не всегда сопоставляла, а теперь вот просто сверяюсь с текстом и учу иероглифы. К тому же я как раз хотела обсудить с тобой кое-что: эти дни я жила в твоих покоях, и ты, наверняка, чувствовал себя не слишком удобно, да и мне было неловко. Я собираюсь вернуться во Дворец Цинлу. Пусть это не совсем по правилам, но ты можешь найти любой предлог, чтобы выслать меня туда, а Вдовствующая императрица и Регент не станут поднимать шум из-за пустяков.

Дуань Чанчуань слушал её фразу за фразой, и в голове у него всё перемешалось.

Сначала ему хотелось возмутиться: почему это ты знаешь наизусть Тысячесловие, не Линь Цин ли тебя научил?!

А потом в нем вскипело обидное раздражение: я-то еще терпел, что ты мешаешь мне получать важные донесения, и неудобств никаких не замечал, а ты сама первая решила сбежать?!

Выходит, она предпочла бы быть изгнанной, лишь бы не жить с ним под одной крышей!

В голове Дуань Чанчуаня роились тысячи мыслей, но в итоге всё свелось к двум словам: бес-совестно!

Чрезвычайно бессовестно!

— Ты же сама знаешь, что это противоречит правилам, а знаешь ли ты, сколько людей во дворце судят обо всем по положению дел? Стоит мне сегодня выгнать тебя из Дворца Миншэн, как завтра по всей столице разнесутся слухи, будто я сослал тебя в Холодный дворец.

— Еще пару дней назад ты жила в Дворце Миншэн, а служанки Дуань Циньсюэ уже норовили сесть тебе на голову. Если завтра тебя выставят отсюда, то, не говоря о прислужницах Дуань Циньсюэ, конюхи у конюшен, евнухи и служанки из каждого ведомства — все полезут тебе на голову.

Дуань Чанчуань действительно разозлился.

Он даже сам не понимал, почему его это так задело.

Хотя, по идее, он должен был только радоваться возвращению Бай Су во Дворец Цинлу: больше не придется тайком передавать записки через Чанлэ, и если возникнет нужда обсудить дело с Юнь Се, можно будет позвать его напрямую, не опасаясь, что у стен есть уши. К тому же... держать дистанцию с Бай Су было именно тем, чего он хотел с самого начала.

Всё складывалось как нельзя лучше, но в итоге больше всех разозлился он сам.

Юноша стоял у стола, и его черные прекрасные глаза покраснели от гнева.

Бай Су инстинктивно протянула руку, чтобы удержать его:

— Не сердись, я просто...

Но на полуслове замерла.

И как ей это объяснить?

Сказать ему, что она альфа, у которой сейчас идет период перестройки организма, а скоро начнется период повышенной чувствительности, и в безумном порыве она может наброситься на него, крепко обнять и даже укусить...?

Какая глупость, мальчишка решит лишь, что она несет чушь и отмахивается от него.

К тому же... слова вроде «мы были женаты в другом мире», «моя жена выглядит точь-в-точь как ты, но ты — не он»... Стоит произнести хоть одно из них, и он окончательно сорвется.

— ...Переезд во Дворец Цинлу будет лучшим решением для нас обоих.

Юноша яростно выдернул рукав из ее рук, развернулся и бросился прочь:

— Как пожелаешь! Чанлэ, подавай обед!

— Слушаюсь...

Блюда одно за другим появлялись на столе, испуская аппетитный аромат.

Но после недавней ссоры Дуань Чанчуаня и Бай Су атмосфера за столом была очевидно тяжелой.

Евнухи и служанки во главе с Чанлэ и И Манем боялись даже вздохнуть лишний раз, сосредоточенно глядя себе под нос.

Настроение у юноши, должно быть, испортилось окончательно, поскольку аппетит у него пропал. Заметив, что он отложил палочки, сделав всего пару гнуськов, Бай Су вздохнула.

Не найдя другого выхода, она подцепила из общей тарелки куриную ножку и положила ему в пиалу.

— Ешь так мало, скоро совсем проголодаешься. Разве тебе днем не нужно вместе с Регентом заниматься государственными делами? Смотри, как бы посреди обсуждения у тебя в животе не заурчало от голода.

Юноша остался непреклонен.

Она продолжила:

— Поешь хоть немного, иначе как ты сможешь давить на Дуань Цзиньяня своим авторитетом, м? Умница.

Только после этого юноша нехотя взял палочки, подцепил лежащую в пиале куриную ножку и принялся ее понемногу откусывать.

Жуя, он ворчал:

— Такая огромная ножка, а мясо даже не соизволили обобрать...

Такой капризный и в то же время милый.

Бай Су не удержалась, протянула руку и потрепала его по волосам:

— Понял, в следующий раз оборву мясо сама.

— Ой, не смей разговаривать со мной таким тоном!

— Хорошо, хорошо.

<http://bllate.org/book/21020/2136745>